

Пока Адлер и Пэтти увлечённо болтали, Ван Цзиншань торопливо спустился на первый этаж и заскочил в круглосуточный магазинчик, чтобы купить тест на беременность.

— Не считите за труд, дайте ещё один одноразовый стаканчик. Спасибо.

Постаравшись проигнорировать удивлённый взгляд продавца, он забрал покупки и поспешил в служебный туалет госпиталя.

Сама процедура не отличалась сложностью.

Когда проявился результат...

Коврик под ногами заскользил, и Ван Цзиншань в полном оцепенении опустил на крышку унитаза. Он во все глаза смотрел на две яркие, отчётливые линии на тест-полоске. Разум словно заволокло плотным, непроглядным туманом.

«Я... я беременен?»

«Быть не может. Это какая-то чудовищная ошибка! Полнейший бред!»

«Я же мужчина!»

Запершись в кабинке, Цзиншань лихорадочно скинул одежду и принялся тщательно осматривать себя.

Кроме едва заметно округлившегося, слегка потяжелевшего низа живота, его тело не претерпело никаких видимых изменений.

«Ну конечно, это ошибка. Просто нелепая ошибка».

Ему безумно захотелось немедленно ворваться в отделение гинекологии на третьем этаже и потребовать полноценного обследования.

Однако рассудок вовремя возобладал: подобное положение дел ни в коем случае нельзя предавать огласке. Мужчина, вынашивающий ребёнка — такое известие повергнет общество в шок и вызовет небывалый скандал. А если всё это правда... Ван Цзиншань обязан был просчитать худший сценарий. Меньше всего ему улыбалась перспектива оказаться запертым в подвалах Научного института в качестве подопытного образца.

Крепко сжав губы, он заставил себя успокоиться.

Достав мобильный телефон, он принялся лихорадочно пролистывать поисковые запросы в сети, пытаясь выяснить, какими способами можно подтвердить беременность.

Большинство ответов сходились на том, что самым надёжным методом является ультразвуковое исследование — оно давало стопроцентную точность.

Вот только для Цзиншаня этот вариант пока отпадал.

Вторым по надёжности способом значился анализ крови на гормоны.

Немного подумав, он вышел на улицу, раздобыл в ближайшей лавке дешёвый складной нож, полоснул себя по пальцу и, нацедив треть пластикового стаканчика багровой, густой крови, направился к стойке регистрации.

— Анализ крови? — медсестра подняла на него глаза, и её щёки мгновенно залил нежный румянец смущения.

Цзиншань молча кивнул и протянул ей стаканчик:

— Будьте добры, проверьте... на беременность.

Девушка растерялась:

— Вообще-то мы настоятельно рекомендуем пациенткам лично проходить ультразвуковое обследование для точности результатов.

— Она... подследственная. Из камеры её забрать не разрешили, — на ходу сочинил Цзиншань, предъявляя своё удостоверение старшего офицера полиции.

Медсестра бросила на него долгий, многозначительный взгляд и, понизив голос до едва различимого шёпота, произнесла:

— Вообще-то правилами больницы это строго запрещено, забор крови должен производиться только на месте... Но сегодня ради вас я сделаю исключение.

— Благодарю за содействие, вы очень нам помогли, — с облегчением выдохнул Цзиншань.

Результат подготовили на удивление быстро.

Медсестра провела его анализ вне очереди и уже минут через пятнадцать вынесла распечатанный бланк:

— Вот, взгляните. Показатель ХГЧ в крови исследуемой значительно превышает норму...

Цзиншань протянул руку, стора от нетерпения изучить цифры, но в этот момент чьи-то тонкие пальцы с ярко-красным маникюром бесцеремонно выхватили листок прямо у него из-под носа.

— Прекрасно! — Пэтти быстро пробежала глазами по строчкам, после чего повернулась к нему и уставилась с нескрываемым возмущением. — Значит, ты всё-таки обрюхатил какую-то бедняжку втайне от всех?

Ван Цзиншань застыл.

«И кому она это говорит? Жертва этого преступления вообще-то я. Мой собственный живот растёт».

— Вовсе нет, — Цзиншань глубоко вздохнул, стараясь говорить как можно ровнее. — Это одна из наших задержанных. Скоро её отправят в тюрьму, вот она и умоляла проверить, надеется на смягчение приговора.

— Ладно, допустим, — Пэтти с явным сомнением вернула ему бланк.

Глядя на строчку, где чёрным по белому было написано «предположительный срок — три месяца», Ван Цзиншань почувствовал, как к горлу подступает тошнота, а голова начинает раскалываться.

«Три месяца назад... Что я делал тогда? Я ведь тогда ещё даже не ступал на этот проклятый Остров Осьминогов!»

Заметив, как потемнело и осунулось его лицо, Пэтти недоумённо спросила:

— Если твоя арестантка действительно беременна, разве это не хорошая новость? Ей ведь скостят срок.

— Да, новость хорошая, но... — Цзиншань процедил сквозь зубы: — Я просто подумал о ребёнке. Ему придётся расти без матери, в казённых стенах. Жалко малыша.

Пэтти посмотрела на него с глубоким сочувствием:

— Цзиншань, ты всё такой же чуткий и благородный.

— Прости, у меня срочное дело. Передай Адлеру, что мне пришлось уйти.

Не дожидаясь ответа, Ван Цзиншань развернулся и почти бегом бросился вон из больничного корпуса.

В голове царил полнейший хаос.

«Что мне делать?»

Но пока он сам во всём не убедится, он не отступится — упрямство не позволяло опустить руки.

Первым делом Цзиншань снял в банкомате крупную сумму наличных, после чего созвонился с бывшим коллегой по столичному управлению и одолжил у него табельное оружие.

Поймав на обочине такси, он назвал адрес подпольной клиники, которую когда-то частенько накрывал во время дежурств.

«Хоть бы она ещё работала», — мысленно молился он.

Трущобы улицы Ароя, дом 104

При упоминании подпольных госпиталей в голове обывателя обычно возникают жуткие, залитые кровью картины нелегальной торговли органами.

Однако это заведение, притаившееся на самой окраине трущоб, разительно отличалось от подобных притонов.

Его владелец, доктор Джек, когда-то считался восходящей звездой Военно-церковного госпиталя столицы. Из-за врачебной ошибки руководства его сделали козлом отпущения и лишили лицензии, после чего талантливый хирург вынужден был податься в теневую медицину. Местные жители толпами шли к нему со всякой простудой и лихорадкой — Джек не только знал своё дело, но и брал за услуги сущие гроши.

Разумеется, втайне он оказывал услуги и сомнительным личностям: зашивал огнестрельные раны бандитам, помогал скрываться беглым преступникам и проводил неофициальные операции для зажиточных господ. Моральными принципами доктор не отличался — за хорошую плату он брался за любую работу.

Благодаря связям в верхах Джеку каждый раз удавалось выйти сухим из воды, когда Ван Цзиншань устраивал очередную облаву.

Впрочем, те визиты оставили глубокий след в ранимой душе подпольного лекаря.

С тех пор стоило ему заметить в окно высокую фигуру в полицейской форме, проходящую мимо его заведения, как доктор в панике запирает двери на три дня и три ночи.

Цзиншань прекрасно понимал, что его появлению здесь не обрадуются, поэтому предусмотрительно натянул пониже кепку и прикрыл лицо маской.

Поскольку сегодня он был в гражданском, дежурившая у входа медсестра лишь мельком взглянула на гостя и протянула ему листок бумаги:

— Настоящее имя писать не обязательно, но возраст и хронические заболевания укажите честно.

Быстро заполнив бланк, Цзиншань вернул его девушке.

— Жалобы? Что вас беспокоит? — сухо поинтересовалась она.

Ван Цзиншань замялся, не решаясь выговорить слово «УЗИ», и после недолгой паузы выдавил:

— Мне нужно сделать рентген.

— Снимок всего тела обойдётся в семьсот золотых. Без торга, аппарат абсолютно новый, только из Империи Ваза, — медсестра протянула ему ламинированную карточку. — Ознакомьтесь с правилами подготовки к процедуре.

[1. Категорически запрещено наличие любых серебряных украшений и предметов.]

[2. За шесть часов до исследования запрещается принимать пищу и воду.]

[3. Проведение рентгенографии строго противопоказано беременным женщинам...]

При виде третьего пункта Ван Цзиншань почувствовал, как внутри закипает глухая ярость. Отшвырнув листок, он решительно направился во внутренние помещения клиники.

— Эй! Мужчина, стойте! Туда нельзя, там кабинет врача! — испуганно закричала девушка, бросаясь следом.

Доктор Джек, белый мужчина лет тридцати с небольшим, уже успевший обзавестись солидной лысиной, питал слабость к дорогим брендам. Даже под выдавшим виды белым халатом у него всегда красовалась роскошная рубашка от Burberry.

В этот момент он вольготно раскинулся в крутящемся кресле, увлечённо листая глянцевый журнал для взрослых. Услышав шум, он даже не повернул головы, лишь недовольно бросил:

— Кэролайн, выстави этого придурка вон.

— И это твоё хвалёное отношение к пациентам? — Ван Цзиншань сорвал с лица маску и сбросил кепку.

Стоило Джеку разглядеть знакомые черты лица неожиданного гостя, как лицо его побелело, а колени задрожали. Журнал выскользнул из ослабевших пальцев, и доктор, не помня себя от страха, нырнул под рабочий стол.

— Офицер... Офицер Ван, — донёсся из темноты его прерывистый голос. — Мы сегодня не работаем. Закрыто!

В душе доктор вовсю проклинал информаторов, уверявших, будто грозного копа сослали куда-то на край света.

Цзиншань спокойно опустился на кожаный диван напротив стола:

— Можешь вылезать, я пришёл по личному делу. Без ордера.

Из-под стола медленно показалась лысая голова. Джек недоверчиво сощурился, пытаясь определить, не лукавит ли полицейский. Убедившись, что Цзиншань действительно один, он махнул рукой застывшей в дверях помощнице:

— Кэролайн, оставь нас.

Когда за девушкой закрылась дверь, Джек лично запер замок, после чего угодливо суетнулся у кофемашины и поставил перед гостем чашку с ароматным напитком:

— Какими судьбами в наши скромные пенаты, господин офицер?

Цзиншань даже не прикоснулся к чашке. Он в упор посмотрел на доктора:

— Умеешь держать язык за зубами?

— Обижаете! — Джек истоково ударил себя кулаком в грудь. — Да во всей Империи не сыскать специалиста более скрытного, чем я! Не будь я могилой, ко мне бы почтенные люди не ходили...

Под тяжёлым, ледяным взглядом Цзиншаня его голос постепенно затих, и он неловко добавил:

— Ну... то есть ходят, конечно, но понемногу.

— Хорошо.

Ван Цзиншань отлично знал цену подобным клятвам. Страх перед законом для таких людей — штука временная, и по-настоящему надёжным предохранителем могут служить только большие деньги.

Он поставил на стол увесистый саквояж и откинул крышку.

Золотой блеск новеньких монет заставил доктора судорожно сглотнуть. Его глаза округлились:

— Офицер Ван... это что?

— Сейчас ты сделаешь мне УЗИ, — ровным, лишённым всяких эмоций тоном произнёс Цзиншань. Достав из кармана револьвер, он приставил дуло к виску Джека и с тихим щелчком взвёл курок. — И если об этом узнает хоть одна живая душа — ты труп.

То, что открылось доктору Джеку в следующие полчаса, повергло выдавшего виды теневого медика в полнейший шок. Если бы он лично не водил датчиком по животу полицейского, он бы решил, что над ним издеваются.

— Ну? Что там? — спросил Ван Цзиншань, стирая с кожи липкий прозрачный гель.

— Э-э... Офицер Ван, тут такое дело... Вы действительно беременны. Срок — около трёх месяцев, — выдавил из себя Джек, заикаясь.

Не успел он закончить фразу, как холодная сталь револьвера снова упёрлась ему прямо в лоб.

— Повтори-ка, что ты сказал?

— Да я не вру, видит бог, не вру! — взмолился доктор, едва не плача. — Сами посмотрите на экран...

Цзиншань нахмурился, вглядываясь в монитор, где расплывались неясные чёрно-белые пятна. Разобрать в этом месиве хоть что-то человеческое было решительно невозможно.

— И где тут ребёнок?

Под прицелом пистолета Джек вспотел так, словно его пытали на допросе. Дрожащим пальцем он принялся тыкать в экран:

— Вот здесь... и вот тут... и вон там, видите? И в самом углу ещё одно тёмное пятнышко... Это всё они.

Ван Цзиншань почувствовал, как к горлу подкатывает волна бешенства. Он едва не вдавил ствол в переносицу врача:

— Хочешь сказать, я вынашиваю целый выводок?! Больше десятка?!

— Именно так, — ноги Джека подкосились, и он едва не рухнул на колени.

— Не боишься, что я прямо здесь тебя пристрелю?

Терять доктору было уже нечего, и он, набравшись смелости, выкрикнул прямо в лицо грозному копу:

— Стреляйте! Но это правда! Я сам такую дичь впервые в жизни вижу, ясно вам?!

Наступила тяжёлая, звенящая тишина. Оба тяжело дышали, пытаясь успокоиться.

Наконец Цзиншань медленно опустил пистолет и глухо спросил:

— Кто там?.. Мальчики или девочки?

— Сейчас невозможно определить, — поспешно ответил Джек, утирая пот со лба. Он буквально прилип к экрану УЗИ-аппарата, разглядывая снимки через увеличительное стекло. — Да и вообще... Офицер Ван, мне кажется, вы вынашиваете вовсе не человеческих детей.

— Что?

Цзиншань натянуто усмехнулся:

— Джек, если ты решил так глупо мне отомстить за былые облавы, то выбрал не лучший способ.

— Да сдалась мне эта месть! — доктор косился на открытый саквояж с золотом. — С такими

деньгами вы для меня теперь святой покровитель, офицер!

Ван Цзиншань долго молчал, переваривая услышанное.

— И как это понимать?

— Не волнуйтесь, сейчас разберёмся, — успокаивающе затараторил Джек, стараясь вернуть себе профессиональную уверенность. — Вы очень правильно сделали, что пришли именно ко мне. Пару лет назад я сотрудничал с одной закрытой лабораторией, так что в вопросах нетипичной репродуктологии у меня накопился изрядный опыт.

Правда, умолчал доктор о том, что лечил он в основном банальное мужское бесплодие.

Ван Цзиншань немного расслабился.

Джек тем временем продолжал изучать снимки:

— Я насчитал ровно одиннадцать эмбрионов. Будь это обычные человеческие зародыши, на таком сроке ваш живот уже напоминал бы огромный арбуз. Но у вас он почти плоский. К тому же форма зародышей крайне специфична. Похоже, у них множество конечностей... Если быть точным, это очень напоминает щупальца.

Сделав паузу, доктор вынес вердикт:

— Офицер Ван, боюсь, вы беременны детёнышами какого-то крупного головоногого моллюска. Скажите честно, у вас в последнее время были... тесные контакты с осьминогами?

Головоногий моллюск...

В памяти Цзиншаня мгновенно всплыл образ Носка. Тот с самой первой встречи заладил про какое-то «потомство», «кладовку для яиц» и «продолжение рода».

Сомнений не оставалось: это чудовище приложило к его положению свои щупальца!

— Это осьминог, — глухо обронил Цзиншань. — Я... ел его.

Джек понимающе закивал:

— Ну вот, я же говорил! Офицер Ван, завязывайте вы с этой экзотической кухней. Я как-то читал в научных вестниках историю про одну даму из южных морей. Она полакомилась живым осьминогом, а потом у неё страшно разболелся и распух живот. Оказалось, эта тварь успела

отложить яйца прямо у неё в желудке.

— Но я не ел его сырым...

С тех пор как дела его семьи пошли под откос, Ван Цзиншань и думать забыл о дорогих деликатесах. Лишь на Острове Осьминогов они с судмедэкспертом Се и офицером Брайаном один раз приготовили ужин. Но у тех-то всё было в порядке!

Следовательно, методом исключения оставалась лишь та самая странная гектокотиль, которую он проглотил.

При мысли о Носке Цзиншань почувствовал, как виски сдавливает тисками.

— Что мне делать? — он с трудом подбирал слова. — Как... избавиться от этого? Как их вытащить?

— Тут я вам не помощник, — покачал головой доктор. — Разве что кесарево делать, когда подрастут. Но я могу дать вам контакты одного человека.

Джек быстро черкнул на клочке бумаги имя и телефонный номер:

— Это мой старый знакомый из Империи Ваза, профессор Смит. Он всю жизнь изучает физиологию морских исполинов. Если кто и сможет вам помочь, так это он.

Ван Цзиншань бросил взгляд на бумажку.

«Профессор Смит...»

Голова разболелась с новой силой.

Как объяснить этому недотёпе, что упомянутого учёного уже давно переварил тот самый папаша его будущих детей?

Тем временем в роскошном номере отеля Носк досмотрел последнюю киноленту, но Ван Цзиншань так и не появился.

Морской обитатель свернулся на огромной кровати калачиком, тоскливо поглядывая в окно, за которым шумел и переливался огнями мегаполис.

Все эти разноцветные светящиеся вывески казались ему настоящим чудом.

Очарованный диковинным зрелищем, Носк, точно дикарь, впервые забредший в цивилизованный мир, перебрался на подоконник. Он прижался красивым лицом к холодному стеклу так сильно, что его идеальный нос забавно сплющился. От его дыхания на стекле расплывалось влажное туманное облачко, сквозь которое город казался размытой, волшебной картиной. Там, внизу, бурлила жизнь: светились витрины цветочных лавок, книжных магазинов, модных бутиков; из ресторанчиков тянулся аппетитный дымок. На этой улице можно было купить всё, что душе угодно.

Вот прошли, держась за руки, влюблённые. Вот пролетел хмурый клерк с портфелем. Дети с весёлым смехом покупали мороженое... Всё в точности как в тех красивых фильмах.

В алых глазах Носка зажёгся огонёк искреннего любопытства и восторга.

Он посмотрел на экран смартфона, где светился ненабранный номер Цзиншаня, и решительно погасил дисплей.

В кино говорили, что настоящая романтика — это сюрпризы.

Он сделает своему человеку самый лучший сюрприз!

Носк поднялся, кое-как натянул ботинки и вышел из номера.

Он бесцельно бродил по наводнённым людьми улицам, пока его взгляд не приковала витрина цветочного магазина. Зайдя внутрь, он указал на пышный букет, но продавец вежливо улыбнулся:

— Сударь, этот букет стоит пять золотых.

Носк похлопал по своим совершенно пустым карманам и медленно произнёс:

— У меня... нет монет.

Флорист, заворожённый его неземной красотой, шутливо подмигнул:

— Ну, если вы согласитесь поужинать со мной сегодня вечером, я подарю вам эти цветы просто так.

«Свидание?»

Носк качнул головой. Свидания у него могли быть только с Ван Цзиншанем.

Решив, что перед ним разворачивается сцена из романтического романа, хозяин лавки бросился к прилавку, выживая из вазы самые дорогие розы, покрытые каплями росы.

Однако стоило ему обернуться, как прекрасный незнакомец уже бесшумно растаял в сумерках, словно чудесный сон.

Продавец лишь раздосадованно топнул ногой.

Носк помнил, как Цзиншань расплачивался в магазинах. В человеческом мире за всё нужно отдавать круглые блестящие кругляшки — золото или серебро.

Значит, чтобы раздобыть цветы, ему нужны эти самые деньги.

Покопавшись в своих глубинных запасах, Носк извлёк несколько перламутровых флаконов и раковин, с которыми и направился в ближайшую скупку.

Но для старого оценщика его глубоководные сокровища не стоили и ломаного гроша.

— Шёл бы ты отсюда, парень, не морочь голову, — раздражённо махнул рукой старик за прилавком.

Огорчённый Носк побрёл к выходу. Он уже всерьёз подумывал о том, чтобы продать немного собственного мяса — Цзиншань как-то говорил, что деликатесы из морепродуктов в столице ценятся невероятно высоко.

У самой двери его неловко задел плечом какой-то торопливый прохожий.

Раздался негромкий стук. Один из флаконов выскользнул из рук Носка и покатился по полу, а вслед за ним из разбитого горлышка посыпались крупные, идеально круглые белоснежные жемчужины.

— Ох, простите... — обернулся прохожий и замер, ослеплённый красотой юноши.

Оценщик при виде жемчуга едва не перепрыгнул через прилавок. Сорвавшись с места, он закричал вслед уходящему Носку:

— Уважаемый! Пойдите! Давайте договоримся! Я дам хорошую цену!

В итоге всего за три жемчужины Носк выручил целых триста тысяч золотых монет.

Он плохо разбирался в человеческой экономике, но по тому, как тряслись руки у хозяина лавки при оформлении перевода, понял, что сумма вышла приличная.

Одно оставалось загадкой: почему его любимые ракушки никому не нужны, а эти обычные белые шарики, которых на морском дне как грязи, стоят целое состояние?

— Мне нужны цветы, проигрыватель и часы, — загибая пальцы, перечислил Носк свои пожелания.

Случайный прохожий, всё ещё стоявший рядом, тут же заискивающе улыбнулся:

— Позвольте мне всё это купить для вас!

— Зачем мне твои покупки? — искренне удивился Носк, захлопав ресницами. — У меня теперь у самого есть эти... деньги.

Сердце бедолаги пропустило удар — стрела Купидона пробила его навывлет под этим чистым, невинным взглядом алых глаз.

— Проигрыватель, говорите? — оживился оценщик. — У нас как раз припасена редчайшая вещь! Один разорившийся аристократ заложил старинный граммофон позапрошлого века. Коллекционное издание, сейчас такого днём с огнём не сыщешь!

— Забираю, — Носк небрежно пододвинул к нему стопку золотых. — Сколько с меня?

Ван Цзиншань возвращался в отель в полном смятении. Он шёл на автопилоте, даже не замечая дороги, а выйдя из такси, чуть было не забыл расплатиться.

— Гляди-ка, никак звезда какая-то развлекается? — водитель приспустил тёмные очки, с любопытством уставившись на противоположную сторону улицы.

Цзиншань невольно проследил за его взглядом — и обомлел.

По тротуару не спеша прогуливался Носк, а за ним, растянувшись на полквартала, тянулась восторженная толпа зевак.

В левой руке юноша бережно сжимал охапку синих роз, в правой нёс огромный пакет, а его алые глаза с детским восторгом изучали яркие вывески. Стоило ему на секунду задержать взгляд на какой-нибудь витрине, как толпа позади взрывалась криками:

— Я покупаю! Всё заверните!

— Ангел мой, хочешь, я всю эту лавку для тебя выкуплю?!

— Куда прёшь, я первый предложил оплатить! — в толпе уже завязывалась потасовка.

— Сударь, я готов вечность стоять в очереди за вашим вниманием, только взгляните на меня!
— пафосно вещал какой-то господин в дорогом костюме.

Мужчины и женщины наперебой пытались всучить красавцу свои кошельки, устроив на оживлённом проспекте настоящее светопреставление.

Ван Цзиншань мысленно обозвал себя последним кретином.

«И о чём я только думал? Оставить чудовище с такой внешностью одного в номере... Да у меня в башке опилки вместо мозгов!»

Бросившись наперерез толпе, он бесцеремонно нахлобучил на голову Носка кепку и натянул ему на нос защитную маску.

— О, ты вернулся! — радостно пискнул тот из-под ткани.

Цзиншань крепко обнял его за плечи, увлекая за собой к дверям отеля. Но разъярённая толпа фанатов сдаваться не собиралась.

— Эй, мужик, ты кто вообще такой?!

— Руки убрал от парня!

— Думаешь, если рожей вышел, так тебе всё можно?!

Ван Цзиншань, конечно, был чертовски хорош собой, но тягаться с неземным очарованием Носка не мог даже он. Смахнув с лица чью-то слюну, летевшую в пылу спора, полицейский не выдержал. Весь накопленный за день стресс вырвался наружу громовым рыком:

— Я его отец!

Толпа потрясённо затихла.

— Да ладно... Серьёзно?

— Что-то рановато он отцом стал... хотя погодите, они и правда похожи!

Пока зеваки переваривали новость, Цзиншань быстро увёл Носка в холл отеля.

Они взлетели на лифте и ворвались в номер так стремительно, словно за ними гналась стая диких псов. Заперев дверь на все замки, Цзиншань подбежал к окну и задёрнул шторы. Убедившись, что преследователи внизу начали расходиться, он наконец тяжело опустился на стул и перевёл дух.

Это было не просто тяжело — это было невыносимо.

— Цзиншань... — нежно позвал его Носк.

Обернувшись, полицейский наткнулся взглядом на охапку синих роз.

Прекрасный темноволосый юноша протягивал их ему с самой тёплой, искренней улыбкой:

— Цвёточки... Тебе.

Ван Цзиншань закашлялся, поперхнувшись воздухом.

— Эй, ты чего? — испугался Носк, поспешно отложил букет и принялся усердно хлопать его по спине.

Силушка у морского гиганта была недюжинная — от каждого хлопка у Цзиншаня едва не вылетали внутренности.

— Хватит... кхм... прекрати, — выдавил он, хватая со стола стакан с водой и осушая его залпом.

Носк виновато опустил руки:

— Надеюсь, человек не сломался.

Цзиншань молча сделал глубокий вдох, стараясь вернуть самообладание.

Глядя на синие лепестки, он почувствовал, как внутри поднимается странная, горьковатая волна ревности:

— И... от кого этот веник? Те ухажёры подарили?

— Нет, — покачал головой юноша. — Я сам их купил. На свои деньги.

— И откуда у тебя деньги?

Носк с гордостью вытряхнул содержимое своего пакета на диван. На обивку с глухим стуком приземлился тяжёлый виниловый проигрыватель, изящная чёрная коробочка и целая гора золотых монет. Порывшись в куче золота, он выудил банковскую книжку и протянул её Цзиншаню.

Тот заглянул в документ — на счету значилось более двухсот тысяч золотых.

В висках снова застучало.

— Зачем ты продал жемчуг? Если тебе нужны были деньги, мог бы просто спросить у меня.

За окном сгущались сиреневые городские сумерки, а в комнате горел мягкий свет торшера, отражаясь в алых глазах Носка. Тот смотрел на него так сиротливо и преданно, что у Цзиншаня сжалось сердце.

— Но я хотел сделать тебе подарок, — тихо прошептал Носк. — Чтобы всё было по-настоящему. Мой личный подарок.

Ван Цзиншань почувствовал, как его пульс резко подскочил.

Против такого взгляда не устоял бы ни один смертный. Это было выше человеческих сил.

«Ну и делов я натворил...» — тоскливо подумал он.

Зачем только он наделил этого монстра столь безупречной человеческой внешностью?

— Ладно, проехали, — Цзиншань принял букет и осторожно вдохнул тонкий, чарующий аромат роз. — Спасибо. Мне очень приятно.

Глаза Носка тут же просияли, на лице расцвела счастливая улыбка. Для него одобрение Цзиншаня было важнее всего на свете.

Офицер подошёл к дивану и коснулся пальцами полированного дерева на корпусе проигрывателя:

— И граммофон этот... тоже ты купил?

— Да, — кивнул юноша. — В лавке сказали, что он очень старый и хороший. Это тебе.

Цзиншань не стал говорить, что ровно год назад сам заложил этот самый проигрыватель, чтобы свести концы с концами. Надо же, какая ирония судьбы — вещь вернулась к своему законному владельцу.

— А в этой коробке что?

Носк аккуратно открыл чёрный бархатный футляр. Внутри на шёлковой подушечке покоились роскошные механические часы, усыпанные по ободку мелкими сапфирами, которые ярко вспыхивали под лучами лампы. Настоящее произведение искусства.

— Часы, — Носк осторожно взял его за руку и попытался застегнуть ремешок на запястье.

Цзиншань застыл, заворожённо наблюдая за его неуклюжими попытками:

— Но... почему именно часы?

Носк, со всей серьёзностью высунув кончик языка, возился со сложной застёжкой:

— В фильмах все знатные господа носят такие. Говорят, по ним удобнее смотреть время, чем по карманным. Настоящий мужской подарок.

Цзиншань мысленно хмыкнул — явно насмотрелся рекламы перед киносеансами.

Все эти подношения — цветы, музыка, дорогие подарки... До Цзиншаня наконец дошёл истинный смысл происходящего.

С самого начала это чудовище ухаживало за ним. Для него весь этот нелепый процесс «беременности» был лишь естественным завершением брачного периода. Носк готов был умереть, выполнив свой долг, но человек спас его.

Их связь давно вышла за рамки обычного союза человека и питомца.

А сейчас это древнее существо пыталось завоевать его сердце. Так, как умело, копируя повадки людей.

Глядя на это невинное, прекрасное лицо, Ван Цзиншань понял, что не может злиться. Хотя по дороге из клиники его распирало от гнева и желания высказать всё этой твари.

В человеческом обществе существуют законы и личные границы. Никто не имеет права

распоряжаться твоим телом без твоего согласия.

Но что взять с гигантского глубоководного существа, ведомого первобытными инстинктами? Для него размножение — такая же обыденность, как охота или сон.

Цзиншань пытался убедить себя, что нельзя быть таким мягкотелым. Но его внутренний голос упрямо искал оправдания для этого монстра.

Он в сердцах взъерошил волосы, чувствуя, что медленно сходит с ума.

— Цзиншань, давай сходим в кино? — вдруг предложил Носк. — Я видел афишу, там сегодня показывают новую историю про любовь.

«Опять кино?! Да у меня в животе черти что творится, какое к чёрту кино, какие сопли в темноте?!» — мысленно взвыл полицейский.

Но вслух почему-то тихо произнёс:

— Хорошо. Я куплю билеты.

И они действительно пошли в кино, держась за руки, словно обычная влюблённая парочка.

Носк увлечённо хрустел попкорном со вкусом сушёной рыбы, не отрывая взгляда от экрана, где разворачивалась очередная драма. Ван Цзиншань же весь сеанс просидел как в тумане, не запомнив ни единого кадра.

Когда в зале зажёгся свет и они потянулись к выходу вместе с толпой, Носк озадаченно спросил:

— Цзиншань, а зачем те двое на экране прижимались друг к другу ртами?

Офицер встряхнул головой, прогоняя навязчивые мысли:

— Это называется поцелуй.

— Поцелуй... — эхом отозвался юноша, пробуя незнакомое слово на вкус.

Цзиншань внезапно остановился и строго посмотрел на него:

— У людей поцелуй — это знак глубокой привязанности и любви. Запомни: нельзя позволять

чужим людям целовать тебя. Ни в губы, ни в щёку, ни в лоб. Порядочные юноши берегут себя для одного-единственного партнёра. Понял?

— Угу, — послушно кивнул Носк, хотя в глазах его сквозило явное недоумение.

На город опустилась тёплая ночь.

Возвращаться в душный номер не хотелось. Поскольку они так и не поужинали, Цзиншань купил в круглосуточном магазине пару сэндвичей: один с салом, другой с курицей. Для себя он прихватил бутылку красного вина, а Носк после долгих раздумий выбрал баночку солёной минералки.

Они устроились прямо на траве в тихом сквере неподалёку, совсем как юные студенты на свидании.

Цзиншань аккуратно распаковал пластик и протянул Носку сэндвич с салом.

Тот откусил кусочек, и его глаза восторженно блеснули:

— Вкусно!

На губах юноши осталась капелька белого соуса, и офицер, не задумываясь, бережно стёр её большим пальцем.

И тут же замер, осознав, насколько это было естественно и в то же время опасно. Это был капкан. Искусно расставленная ловушка прекрасного хищника, который заманивал свою добычу. И даже понимая, что впереди его ждёт неизбежное падение в бездну, Цзиншань не находил в себе сил отступить.

Сердце колотилось в груди, как сумасшедшее, кровь прилила к лицу, а дыхание перехватило.

Он так сильно сжал стеклянное горлышко бутылки, что костяшки пальцев побелели. А затем, сорвав пробку, жадно припал к вину, осушив почти половину за один раз.

— Что это у тебя? — любопытствовал Носк, приглядываясь к тёмной влаге.

— Детям такое нельзя, — хрипло ответил Цзиншань.

— Я не ребёнок! — Носк потянулся к бутылке, но офицер увернулся.

Они в шутку сцепились, и в следующую секунду Цзиншань оказался повален на мягкую траву,

а Носк навис над ним сверху.

Их взгляды встретились. Время словно остановилось — исчезли шумы ночного города, далёкий гул машин и шелест листвы. Остался только этот безумный, оглушительный стук собственного сердца в ушах.

Ван Цзиншань лежал неподвижно, не смея пошевелиться.

Носк тем временем легко завладел бутылкой. Сгорая от любопытства к запретному плоду, он сделал изрядный глоток и тут же смешно сморщился:

— Кисло... И горько. Как ты это пьёшь?

Цзиншань отвёл взгляд в сторону, чувствуя, как горит лицо:

— Я же говорил — тебе не понравится.

Организм осьминогов совершенно не приспособлен к расщеплению алкоголя. Не зря же при приготовлении пьяных морепродуктов используют самую крепкую водку, чтобы мгновенно парализовать добычу.

Белоснежная кожа Носка на глазах начала покрываться нежным пунцовым румянцем.

Он глуповато улыбнулся, глядя на Цзиншаня, а затем вдруг резко подался вперёд и звонко чмокнул его в щёку.

— Похоже, кое-кто уже пьян, — тихо произнёс офицер.

— Хи-хи, — Носк прильнул к его плечу, тихонько рассмеявшись.

И в этот момент у Ван Цзиншаня окончательно сорвало стопоры.

Странные симптомы беременности, непривычное волнение, жар, разливающийся по телу, и это щемящее чувство тоски и нежности смешались в один безумный коктейль. Ему жизненно необходима была эта разрядка.

— А теперь ты мне во всех подробностях расскажешь, как так вышло, что я ношу под сердцем детёнышей-осьминогов, — процедил он сквозь зубы.

Перехватив Носка за подбородок, Ван Цзиншань заставил его поднять голову и властно, собственнически вонзился в его губы глубоким, яростным поцелуем.

<http://bllate.org/book/20372/2149250>